

Мирбо Октав

Голгофа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-52

О-52 **Октав М.**
Голгофа / Мирбо Октав – М.: Книга по Требованию, 2023. – 238 с.

ISBN 978-5-519-96729-7

ISBN 978-5-519-96729-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ты. И я вижу себя щедрымъ мальчикомъ, въ люстриновомъ передникѣ, бродящимъ въ этой грустной, заброшенной обстановкѣ; вспоминаю, какъ я бѣгалъ, рвалъ платье о колючки, дразнилъ птицъ на птичьемъ дворѣ или по цѣлымъ днямъ ходилъ въ огородѣ слѣдомъ за Феликсомъ, который былъ у насъ и садовникомъ, и лакеемъ, и кучеромъ.

Прошли долгіе годы; всё, что я любилъ, умерло; всё, что я зналъ, обновилось. Церковь перестроена, главный входъ искусно отдѣланъ; стрѣльчатые окна, рыльца трубъ украшаютъ ее; колокольня изъ тесаного камня ярко вырисовывается на лазурномъ небѣ. На мѣстѣ стараго дома возвышается аляповатое зданіе, выстроенное новымъ владѣльцемъ, который прибавилъ въ цвѣтникѣ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ шаровъ, устроилъ новые фонтаны и разставилъ гипсовыхъ амуровъ. Но всё окружающее такъ запечатлѣлось въ моей памяти, что время не могло изгладить яркихъ воспоминаній.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о своихъ родителяхъ, но я опишу ихъ не такими, какими они казались мнѣ въ дѣтствѣ, а какъ они представляются мнѣ теперь, дополненные воспоминаніями, о ч е л о в ѣ ч е н н ы е рассказами о нихъ, во всей наготѣ, въ томъ свѣтѣ, въ какомъ представляются близкіе и дорогіе люди подъ вліяніемъ неумолимыхъ уроковъ жизни.

Отецъ мой былъ нотариусомъ. Съ незапамятныхъ временъ такъ было принято въ семьѣ Минтье. Показалось бы чудовищнымъ и прямо таки революціоннымъ, если бы одинъ изъ Минтье осмѣлился нарушить эту семейную традицію и отказался отъ почетнаго званія нотариуса, которое свято передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе, подобно дворянскому титулу.

Отецъ занималъ въ Сень-Мишель-ле-Этръ почетное положеніе, которое было непоколебимо,

благодаря воспоминаніямъ о его предкахъ, его степенному виду деревенскаго буржуа и особенно двадцатитысячной рентѣ. Будучи мэромъ Сень-Мишеля, генеральнымъ совѣтникомъ, почетнымъ мировымъ судьей, предсѣдателемъ сельско-хозяйственныхъ сѣздовъ, членомъ многочисленныхъ агрономическихъ и лѣсоохранительныхъ комитетовъ, онъ не пренебрегалъ ни одной изъ этихъ маленькихъ мѣстныхъ должностей, которыя обезпечиваютъ въ провинціальной жизни престижъ и вліяніе. Это былъ человѣкъ безукоризненно честный, чрезвычайно мягкій, отзывчивый, но у котораго была одна странность—какая-то манія убійства. Онъ не могъ видѣть птицы, кошки, насѣкомаго, чего-либо живого, чтобы въ немъ не явилось сейчасъ же непреодолимое желаніе уничтожить это. Онъ объявилъ непримиримую войну, какъ завзятый охотникъ, дроздамъ, щегленкамъ, зябликамъ, синириямъ; Феликсъ долженъ былъ предупреждать его, какъ только въ паркѣ появлялась какая-нибудь птица, и онъ бросалъ всё: дѣла, кліентовъ, обѣды и бѣжалъ уничтожать ее. Бывало, цѣлыми часами онъ просиживалъ неподвижно въ засадѣ, подстерегая выслѣженную садовникомъ синичку. Если ему случалось на прогулѣ увидѣть на вѣткѣ птицу и при немъ не было ружья, онъ цѣлился въ нее своей тросточкой и приговаривалъ: „Бацъ! А вѣдь онъ былъ бы готовъ, подлецъ!“ Или же: „Бацъ! Нѣтъ, я бы его промазалъ... Слишкомъ далеко!“ И это было единственное впечатлѣніе, которое производили на него птицы. Кошки также всегда привлекали его вниманіе. Если ему случалось увидѣть на пескѣ слѣды кошки, онъ не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не разыщетъ и не убьетъ ея. Иногда въ ясную лунную ночь онъ вставалъ съ постели и сторожилъ свою жертву до зари. Надо было видѣть его съ ружьемъ на плечѣ, держащаго за хвостъ убитую кошку. Я никогда не видѣлъ болѣе героич-

ческой картины, и Давидъ, убивши Голіаѳа, врядъ ли имѣлъ болѣе побѣдоносный видъ. Величественнымъ жестомъ бросалъ онъ трупъ кошки къ ногамъ кухарки, которая восклицала: „О, дрянное животное!“ и принималась рѣзать ее; мясо она оставляла для нищихъ, а шкуру продавала Овернцамъ. Я останавливаюсь на этихъ незначительныхъ подробностяхъ лишь потому, что всю жизнь меня преслѣдовали эти воспоминанья дѣтства. Одинъ случай произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что, несмотря на протекшіе годы и перенесенныя страданія, не проходитъ дня, чтобы я не вспомнилъ о немъ съ грустью. Какъ-то мы гуляли съ отцомъ по саду. У него въ рукахъ была длинная палка съ желѣзнымъ наконечникомъ, которымъ онъ протыкалъ улитокъ и слизней, поѣдающихъ салатъ. Вдругъ, на берегу пруда, мы увидѣли маленькаго котенка, который пилъ воду; мы спрятались за сиреневый кустъ.

— Бѣги, — сказалъ мнѣ тихо отецъ, — принеси скорѣе ружье... обойди кругомъ... смотри, чтобы онъ не замѣтилъ тебя.

Нагнувшись и осторожно отстраняя вѣтки сирени, онъ слѣдилъ за всѣми движеніями котенка, который, опершись на переднія лапки, вытянувъ шею, вертя хвостикомъ, лакалъ язычкомъ воду и отъ времени до времени приподнималъ голову, облизываясь и почесывая шейку.

— Ну, — сказалъ отецъ, — бѣги.

Мнѣ было очень жаль этого котенка. Рыжеватый, пушистый, съ черными шелковистыми полосками, онъ былъ такъ красивъ; движенія плавныя, вкрадчивыя, язычокъ — какъ лепестокъ розы... мнѣ хотѣлось послушаться отца. Я готовъ даже былъ зашумѣть, закашлять, шелестомъ листьевъ предупредить объ опасности бѣднаго котенка. Но отецъ взглянулъ на меня такъ строго, что я направился къ дому. Вскорѣ я вернулся съ ружьемъ. Котенокъ былъ все на томъ же мѣстѣ, довѣрчи-

вый и радостный. Онъ пересталъ пить воду. Сидя на заднихъ лапкахъ, настороживъ уши, пристальнымъ и трепетнымъ взглядомъ слѣдилъ онъ за бабочкой, летавшей надъ нимъ. О, это была минута невѣроятнаго волненія! Сердце мое билось такъ сильно, что я боялся упасть въ обморокъ.

— Папа! папа!—воскликнулъ я.—Въ это время раздался выстрѣлъ, сухой трескъ, точно ударъ кнута.

— Ахъ, дьяволъ,—выругался отецъ.—Онъ снова прицѣлился и спустилъ курокъ. Я закрылъ глаза и заткнулъ себѣ уши... Бацъ!.. И я услышалъ мяуканье, жалобное, страдальческое, такое страдальческое, точно плачь ребенка. И котенокъ подскочилъ, вытянулся и упалъ замертво.

Человѣкъ незначительнаго ума, отзывчивый, не смотря на кажущееся равнодушіе ко всему, что не удовлетворяло его тщеславію мѣстнаго дѣятеля и не имѣло прямого отношенія къ его дѣлу, щедрый на совѣты, услужливый, консервативно настроенный, здоровый и веселый, онъ по праву пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Мать моя была знатнаго, дворянскаго рода. Отецъ не получилъ за ней никакого приданаго, но за то приобрѣлъ солидныя связи и вошелъ въ тѣсное общеніе съ мелкой мѣстной аристократіей, что онъ считалъ не менѣе выгоднымъ, чѣмъ деньги или земли. Несмотря на то, что онъ не отличался большой наблюдательностью и не могъ разбираться въ чужой душѣ, какъ онъ разбирался въ брачныхъ контрактахъ и завѣщаніяхъ, онъ скоро понималъ, что разница въ воспитаніи, происхожденіи и настроеніи будетъ всегда отдалять его отъ жены. Можетъ быть, вначалѣ это и удручало его, но онъ не показывалъ этого и скоро примирился. Онъ и не пытался заполнить пропасть, которая отдѣляла его, нѣсколько грубаго, тяжеловѣснаго, безпечнаго, отъ жены, образованной, восторженной, болѣзненно-чуткой. Такая вынужденная близость двухъ

людей, совершенно чуждых и не понимающих друг друга, но навѣки связанных, не особенно тяготила моего отца; онъ проводилъ цѣлые дни въ своей конторѣ и былъ доволенъ, если правильно велось хозяйство, во - время подавался обѣдъ и исполнялись его прихоти. Матери же моей эта жизнь была очень тяжела, мучительна, невыносима.

Она не была красива, но въ ней было столько благородной простоты, столько прирожденнаго изящества въ движеніяхъ, такая доброта свѣтилась въ ея глазахъ, то свѣтлыя, какъ апрѣльское небо, то темныхъ, какъ сапфиръ, въ ея улыбкѣ было столько подавленной грусти, столько привѣтливости, что вполне скрашивались и слишкомъ высокій, выпуклый лобъ, выступавшій изъ-подъ беспорядочныхъ прядей волосъ, и крупный носъ, и блѣдный, металлическій цвѣтъ лица. Въ ея присутствіи, говорилъ мнѣ одинъ изъ ея старыхъ друзей, да и самъ я это понялъ позже, чувствуешь себя охваченнымъ какимъ-то непреодолимымъ чувствомъ симпатіи, въ которой сливаются уваженіе, смутное желаніе, состраданіе и преданность.

Несмотря на ея недостатки, а, быть можетъ благодаря имъ, въ ней было могучее обаяніе грусти, которое присуще людямъ, отмѣченнымъ несчастіемъ, надъ которыми витаетъ что-то роковое. Въ дѣтствѣ и юности она была подвержена какимъ-то непонятнымъ нервнымъ припадкамъ. Надѣялись, что замужество, измѣнивъ условія ея жизни, возвратитъ ей здоровье. Доктора находили у нея повышенную чувствительность. Но послѣ замужества ея болѣзненные припадки усилились, и нервность дошла до того, что малѣйшій запахъ могъ вызвать истерику, кончающуюся обморокомъ. Чѣмъ страдала она? Откуда эта тоска, вялость, которая приковывали ее, неподвижную и сумрачную, по цѣлымъ днямъ къ креслу,

какъ стараго паралитика? Откуда эти слезы, которыя внезапно душили ее и горячими потоками лились цѣлыми часами изъ ея глазъ? Откуда это отвращеніе ко всему, отвращеніе, котораго ничто не могло побѣдить, ни развлеченія, ни молитвы? Откуда?.. Она не могла дать отвѣта, она сама не знала, Она не понимала ни своихъ физическихъ страданій, ни нравственныхъ мукъ, ни галлюцинацій. во время которыхъ ею овладѣвала безумная жажда смерти. Сидя какъ-то передъ каминомъ, не зная почему, она почувствовала вдругъ непреодолимое желаніе броситься въ огонь, отдать свое тѣло въ объятія пламени, которое манило ее, очаровывало и пѣло гимны невѣдомой любви. Встрѣтивъ на полускошенномъ лугу крестьянина съ косою на плечѣ, она, не зная почему бросилась къ нему съ протянутыми руками и крикнула: „Смерть, о смерть желанная, возьми меня, возьми!“—Нѣтъ, она не знала почему. Она знала лишь то, что въ эти минуты передъ ней вставалъ образъ ея умершей матери, которую она сама нашла въ одно воскресное утро повѣсившейся на люстрѣ въ гостиной. И постоянно передъ ея глазами былъ медленно качавшійся трупъ, съ почернѣвшимъ лицомъ, съ закатившимися глазами, и ей казалось, что она видитъ тотъ лучъ солнца, который, пробиваясь сквозь ставни, освѣщаетъ трагическимъ свѣтомъ распухшія губы и высунувшійся языкъ.

Эти страданія, сомнѣнія, это упоеніе смертью мать дала ей вмѣстѣ съ жизнью; съ молокомъ матери всосала она ядъ, который разлился въ ея жилахъ, отравлялъ все ея существо, опьянялъ мозгъ, разѣдалъ душу. Въ промежутки покоя, становившіеся съ годами все рѣже и рѣже, она часто задумывалась надъ этимъ; стараясь разобратъ въ своей жизни, вспоминая все прошлое и находя сходство между матерью, кончившею самоубійствомъ, и собою, жаждущей смерти, она

Все сильнѣе ощущала тяжесть зловѣщаго наслѣдства. Она не могла отрѣшиться отъ мысли, что не сѹмѣетъ устоять противъ злого рока, тяготѣвшаго надъ всѣмъ ея родомъ, и этотъ рядъ поколѣній представлялся ей въ видѣ безконечной цѣпи самоубійцъ, пришедшихъ изъ глубокой ночи, издалека, стремящихся сквозь тьму временъ... куда? При этомъ глаза ея становились мутными, на лбу выступалъ холодный потъ и руки судорожно сжимались вокругъ шеи, какъ будто хотѣли разорвать веревку, которая ее душила.

Каждый предметъ ей казался орудіемъ роковой смерти, каждый предметъ въ ея глазахъ принималъ окровавленный образъ; вѣтви деревьевъ представлялись ей зловѣщими висѣлицами; въ позеленѣвшей водѣ прудовъ, среди камышей и кувшинокъ, въ рѣкѣ, заросшей длинными водорослями, она видѣла себя мертвой, обезображенной, покрытой тиной.

А въ это время мой отецъ, пританцввшись за кустомъ жасмина, съ ружьемъ въ рукахъ высѣживалъ котенка или цѣлил въ жаворонка, который беззаботно заливался, пріютившись въ вѣтвяхъ. Вечеромъ, успокаивая жену, онъ нѣжно говорилъ:—„Ну какъ тебѣ, моя милая, какъ твое здоровье, не лучше, кажется? Принимай горькую настойку,—стаканъ утромъ, стаканъ вечеромъ. Это лучше всего“. Онъ никогда не жаловался, никогда не сердился. Сидя за письменнымъ столомъ, онъ просматривалъ бумаги, принесенныя въ теченіе дня секретаремъ, и наскоро подписывалъ ихъ.

— „Опять...—ворчалъ онъ,—опять они... Вотъ несносное учрежденіе! Заботились бы лучше о крестьянахъ, чѣмъ приставать къ намъ со всѣмъ этимъ вздоромъ... Вотъ глупости!“ Потомъ онъ шелъ спокойно спать и говорилъ женѣ:—„Пей горькую настойку, пей“.

Эта покорность смущала ее, казалась ей упрямомъ.

Отецъ не получилъ изысканнаго воспитанія, и мать моя не находила въ немъ той поэзіи и мужественной нѣжности, о которой она мечтала; но она не могла не преклоняться передъ его жизнедѣятельностью и энергіей; она завидовала его нравственной уравновѣшенности, но всегда съ презрѣніемъ относилась къ тому, къ чему онъ примѣнялъ свои силы. Она чувствовала себя виноватой передъ собою, виноватой передъ жизнью, такъ бесплодно растраченной въ слезахъ. Она не принимала больше никакого участія въ дѣлахъ мужа и перестала даже исполнять свои обязанности хозяйки, предоставивъ всецѣло домъ прислугѣ. О себѣ она совершенно не заботилась, и ея горничной, доброй и старой Маріи, на рукахъ которой она выросла, приходилось ухаживать за ней и кормить ее, какъ маленькаго ребенка.

Въ своемъ стремленіи къ одиночеству она дошла до того, что не выносила даже присутствія родныхъ и друзей. Ихъ тоже стѣснялъ и отталкивалъ ея мрачный и угрюмый видъ, замкнутыя уста, хранящія вѣчное молчаніе, вынужденная улыбка, искажаемая по временамъ невольной судорогой. Они стали все рѣже и рѣже посѣщать ее и, наконецъ, совсѣмъ забыли дорогу въ Пріерѣ. Религія, какъ и все остальное, была ей въ тягость. Она не посѣщала больше церкви, не молилась, и прошло уже болѣе двухъ лѣтъ, какъ она даже на Пасху не причащалась.

Наконецъ, она заперлась въ своей комнатѣ, гдѣ затворяла ставни и спускала занавѣски, сгущая вокругъ себя мракъ. Проводила тамъ цѣлые дни, лежа на кушеткѣ или стоя на кофѣняхъ въ углу, прислонивъ голову къ стѣнѣ. Ею овладѣвало сильное волненіе, какъ только малѣйшій стукъ извнѣ, скрипъ двери, шлепанье туфель по корридору, ржанье лошади во дворѣ, выводили ее изъ состоянія оцѣпенѣнія. Но что было дѣлать! Она долго боролась съ непонятнымъ недугомъ, но не-

дугъ оказался сильнѣе и подавилъ ее. Воля ея была парализована; она потеряла способность что-либо дѣлать и не могла даже двигаться. Ее поработила какая-то таинственная сила, сила, которая сковывала ей руки, пугала мысль, мучила разумъ и заставляла ея сердце трепетать, какъ маленькое дымящееся пламя, задуваемое вѣтромъ. И она не защищалась, а напротивъ, искала случая углубиться въ свои страданія и съ какимъ-то непонятнымъ изступленіемъ и восторгомъ вкушала ужасающую сладость своего самоуничтоженія.

Видя, въ какой упадокъ приходятъ домъ и хозяйство, отецъ рѣшилъ, наконецъ, обратить серьезное вниманіе на состояніе здоровья моей матери, которое быстро ухудшалось.

Съ большимъ трудомъ удалось ему уговорить мать поѣхать въ Парижъ „посоветоваться тамъ съ королями науки“. Путешествіе было очень тяжелое. Изъ трехъ знаменитыхъ докторовъ, къ которымъ они обращались, одинъ нашелъ, что она малокровна, и назначилъ режимъ, восстанавливающий силы; другой сказалъ, что у нея ревматизмъ на нервной почвѣ, и назначилъ успокаивающій режимъ, третій утверждалъ, что это „пустяки“, и предписалъ душевное спокойствіе.

Никто не могъ разобратъся въ ея душѣ. Она сама себя не понимала. Преслѣдуемая тяжелымъ воспоминаніемъ, которому она приписывала всѣ свои несчастія, она не могла понять того, что смутно шевелилось въ тайникахъ ея души, не могла понять волнующихъ ее съ дѣтства неуловимыхъ порывовъ, неясныхъ стремленій, неосуществимыхъ мечтаній. Она была похожа на молодую птицу, которая въ своемъ смутномъ и неудержимомъ порывѣ къ небу разбиваетъ голову и обламываетъ крылья о прутья клѣтки. Душа ея не жаждала смерти, какъ это ей казалось; наоборотъ, подобно птицѣ, стремящейся къ невѣдомымъ

небесамъ, рвалась къ жизни, согрѣтой лаской, полной любви, и она умирала отъ этой неудовлетворенной мечты. Ребенкомъ, со всей страстностью своей натуры, она привязывалась къ вещамъ и животнымъ; молодой дѣвушкой она всей душой отдалась обаянію несбыточныхъ мечтаній. Но любимые предметы не служили ей утѣшеніемъ, а мечты не приняли опредѣленной формы и не давали успокоенія.

У нея не было никого, кто бы могъ руководить ею, удержать въ равновѣсіи ея молодой, рвущійся умъ, уже потрясенный душевными бурями; никого, кто бы могъ открыть благотворнымъ потокамъ дѣйствительной жизни путь въ ея сердце, уже одержимое химерами съ бездонными глазами, никого, съ кѣмъ она могла бы подѣлиться своими мыслями, чувствами и стремленіями, которыя не находили себѣ выхода и готовы были разорвать эту хрупкую оболочку, едва поддерживаемую болѣзненно натянутыми нервами.

Мать ея, женщина больная, всецѣло отдавшаяся своей меланхоліи, которая довела ее до могилы, не могла дать своей дочери разумаго и здороваго воспитанія; отецъ ея, уже почти разорившійся, употреблялъ всѣ усилія и прибѣгалъ ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы сохранить старинный родовой домъ, а среди бывавшихъ у нихъ молодыхъ людей, пустыхъ дворянъ, тщеславныхъ буржуа, алчныхъ крестьянъ, она не встрѣтила того, у кого на лбу горѣла бы маленькая звѣзда, которая привела бы ее къ богу. Все, что она слышала, все, что она видѣла, не соотвѣтствовало ея пониманію и чувствамъ. Солнце ей казалось недостаточно яркимъ, ночи недостаточно темными, небеса недостаточно глубокими. Ея взгляды на жизнь и на людей, неопредѣленные, расплывчатые, неизбѣжно вели къ извращенію чувствъ, къ заблужденіямъ и вызывали въ ней неудовлетворенность, рожденную недостигнутыми желаніями, не-